

Пролог

За год до основных событий

Осень была капризна, как избалованный ребенок. Погода менялась по десять раз на день. С утра осень милостиво соглашалась погреться в лучах уставшего и выдохнувшегося за лето солнца, но уже к обеду капризно надувала губки и закутывалась в шаль облаков. Под вечер и вовсе впадала в истеричные рыдания, забивая в крыши домов водяные гвозди.

Тихон Ерофеевич, чиновник федерального ведомства, не любил осень. Он подозревал, что поэты просто оригинальничают, восхваляя в багрец и золото одетые леса. Леса вдали, а вблизи раскисшая грязь и лужи. И чтобы в них не наступить, нужно внимательно смотреть под ноги. Не до багреца.

Вот и сегодня нужно пересечься с одним человеком.

В кафе звать не хотелось. Там, конечно, тепло и сухо, но ведь надо о чем-то говорить. А что можно обсуждать с человеком, который величиной с горошину? Мелкий предприниматель, погрязший в неудачах, не способен поддерживать светскую беседу. Его тянет поделиться проблемами, озвучить хронику битвы за выживание. Это как-то бестактно с его стороны. Особенно в такую погоду.

Пригласить к себе в кабинет — даже не обсуждалось. Их тандем не для публичного пространства. Тихон

Лана Барсукова

Ерофеевич периодически использовал мелкого предпринимателя Антона Петухова для своих схем, которые предпочитал хранить в секрете.

Чиновник был человеком неленивым и неглупым, а потому умел творчески обрабатывать возможности, связанные с потоком федеральных денег. Свое положение в должностной иерархии Тихон Ерофеевич определял как слишком ничтожное, чтобы определять русла денежных рек, но довольно приемлемое, чтобы стоять рядом и купаться в их брызгах. Словом, он был забрызган бюджетными деньгами по самые уши.

Вот и на этот раз Антон Петухов предоставил мелкие услуги, позволив использовать свою фирму как прокладку в сложной схеме. Предстояло с ним рассчитаться. Деньги небольшие, но банковским переводом не отправить. Только лично в руки, чтобы не оставлять следов.

Тихон Ерофеевич решил назначить встречу в лесопарке на окраине Москвы. Он собирался навестить сестру, давно зазывающую к себе на дачу. Как раз по дороге получится. Свернет с трассы, немного углубится в лесопарк и отдаст деньги. И место укромное, и беседовать не придется. Можно вообще из машины не выходить, через опущенное стекло деньги передать. Похвалив себя за идеальный план, он позвонил:

— Антон, привет!

— Добрый день, Тихон Ерофеевич. — Голос предпринимателя всегда звучал немного понуро.

— Я, как волшебник, могу сделать его еще лучше.

— Простите, не понял.

«Вот потому ты сопли на кулак и мотаешь, что соображаешь медленно», — усмехнулся Тихон Ерофеевич.

— Готов с тобой сегодня расплатиться. В смысле денег.

Пролог

— Ух, это очень хорошо. У меня как раз у дочери завтра день рождения, она смешная, коляску для куклы хочет.

«Кому это интересно? И вообще зачем плодиться, если нет денег даже на коляску?» — скривился чиновник.

— Слушай сюда! — властно сказал он. — В восемь вечера я буду ждать тебя недалеко от кольцевой трассы, сверну там в сторону Лосинового острова. Короче, подъезжай по МКАДу до съезда в сторону лесопарка, там встретимся. Только не опаздывай, у меня еще дел полно.

Собеседник молчал.

— Ты понял? — уточнил Тихон Ерофеевич.

— А может вы к какой-нибудь станции метро подъедете? — неуверенно предложил Антон.

«Блин! У него машины, что ли, нет?» — презрительно заподозрил чиновник.

— Нет, мне неудобно это. Я же сказал, поеду на север по МКАДу. Какие там станции метро? Короче, мы можем в другой день, если ты никак.

— Нет, я доберусь. У дочки же день рождения...

— Тогда все! Жду! — И короткие гудки.

Антон Петухов потер нелепо свисающий нос, придающий ему уныло-печальный вид, и полез в гугл-карты. Он разобрался с маршрутом, прикинул, сколько может стоить такси, и пошел искать резиновые сапоги.

— Лена, ты не помнишь, где у нас сапоги лежат? — крикнул он в сторону кухни.

— Какие сапоги? — донеслось в ответ.

— Резиновые.

— На балконе, кажется. А зачем тебе?

— Нужно.

— Тогда ищи. — Лена зашла в комнату. — Застеклили бы балкон, так полочки какие прибили бы, разложили бы все в порядке. А так там черт ногу сломит.

Лана Барсукова

Антон понял, что это намек. На благоустройство балкона не было денег. Точнее они были, но каждый раз какая-то другая трата оказывалась актуальнее. Балкон терпеливо ждал своего часа.

Из тепла комнаты Антон шагнул под дождь и начал рыться в домашнем хламе. Балкон напоминал изолятор для вещей перед их отправкой на свалку. Он шарил рукой в поисках гладкой поверхности и думал о том, что в детстве его резиновые сапоги всю осень стояли у порога. Они были такой же приметой осени, как запах мандаринов на Новый год. Теперь резиновые сапоги выручают лишь изредка. Да и мандарины уже не так пахнут.

Сапоги нашлись, настроение пошло вверх. А может и хорошо, что Тихон Ерофеевич его вытащил? Лес, дождь, грязь, а ему все нипочем. Он идет в сапогах за деньгами!

Завтра они с дочкой пойдут выбирать коляску для куклы. Любую. Он так и скажет: «Выбирай любую». Ему не придется загораживать спиной дорогие модели. Он просто отойдет в сторону и насладится моментом отцовской щедрости.

Жена Лена всплеснет руками и отругает их за дорогую коляску. Но лучше, когда жена ругает за мотовство, чем молчит из жалости.

Антон прокручивал в голове завтрашние сцены, бодро шагая в сторону лесопарка.

Позади остались метро и переполненная маршрутка. Предстояло углубиться в лес, чтобы срезать путь до места встречи с Тихоном Ерофеевичем.

Антон избегал давать оценку тому, чем с его помощью занимается федеральный чиновник. Себя он успокаивал тем, что он мелкая сошка, крошечный винтик странной экономической системы, которую можно считать русским чудом. Вроде бы власти воюют, но люди не в обиде. И вообще, размышления

Пролог

на эту тему он пресекал как бесплодные, печальные и опасные.

«Все так живут», — думал он, поскользываясь на мокрой грязи.

Вдали показался контур машины, застывшей в ожидании. Антон заторопился. Будучи внутренне интеллигентным человеком, он стеснялся опаздывать.

— Добрый вечер. — Он постучал в окошко автомобиля.

Тихон Ерофеевич опустил стекло и оттуда дохнуло теплым воздухом с едва уловимой ноткой цитрусового аромата. Тихо звучала незнакомая музыка.

Антон многое бы отдал, чтобы посидеть в таком салоне. Его машина переживала очередную реанимацию в автомастерской, но даже при благоприятном исходе его старенький «Форд» был полон других запахов и других ощущений.

Тихон Ерофеевич хотел выйти и даже приоткрыл дверцу, но, взглянув под ноги, передумал. Месить грязь не хотелось. В багрец и золото одетые леса, говорите? Темно и сыро. Мерзко, одним словом. Его лицо отразило всю эту гамму чувств и усилием воли вернулось к выражению доброжелательного покровительства.

— Вот, Антон, заслужил. Что причитается, то твое, я слово держу. — И он протянул пачку денег.

Антон протянул руку, заметил, что она вся мокрая, попытался вытереть о куртку, но по ней тоже стекала вода.

В голове Тихона Ерофеевича мелькнула шальная мысль: «Может подвезти бедолагу? До какого-нибудь метро подбросить...» Но он представил себе, как запотеют стекла от мокрой одежды и сколько грязи останется на ковриках в салоне, и решительно прогнал эту бредовую мысль.

Лана Барсукова

Однако Тихон Ерофеевич был человеком, не лишенным сострадания к ближнему. Порылся в бардачке и достал пакет. Засунул туда деньги и протянул Антону.

— Держи! Чтоб не намокли!

— Спасибо, Тихон Ерофеевич, — с чувством сказал Петухов. — Простите, что заставил вас ждать.

— Пустяки. Ну, бывай!

Машина зарычала благородным басом и, светясь красными улыбками задних фар, плавно тронулась с места. Ее путь лежал в Подмоскowie, где уже топилась баня и сестра накрывала на стол. Где пахло очередным кулинарным шедевром. Где было тепло, сухо, вкусно, весело и расслабленно. Чиновник, рассчитавшись с Антоном, поставил точку в очередной сложной схеме и мог позволить себе немного отдохнуть.

Антон двинулся в обратный путь.

Идти с деньгами оказалось легче. Ноги тверже стояли на земле. Антон реже поскользнулся и чаще смотрел не в грязь, а в небо. Оно было таким же черным, но отличалось кардинально. Это была разница черного платья Шанель и черного халата уборщицы. Антон размышлял о таинстве цвета, когда его окликнули.

До конечной остановки маршруток оставалось совсем немного. Буквально еще один изгиб лесной дорожки. Тройки парней,двигающихся по боковой тропинке, он принял за заплутавших пассажиров. Парни скользили по грязи и отчаянно матерились.

Когда они подошли ближе, стало ясно, что держать равновесие им мешает алкоголь. Он был в крови, а дополнительные дозы ждали своего часа в оттопыренных бутылками карманах.

Парни остановились полукругом и без предисловий спросили:

— Мужик, ты че борзый?

Антон подумал, что какую-то начальную фразу они явно пропустили. Не с того начали.

Пролог

Парни так не думали.

— А че тут такое? — Один, весь какой-то верткий и крученный, примерился к пакету в руках Антона. — Хавчик? Поделишься?

Парни заготовали. У Антона стало жарко и тесно под курткой. Он стал поспешно прятать пакет в карман, но было поздно.

— Парни, он, по ходу, жадина, — продолжал кривляться верткий. — Он сам не отдаст, ему помочь надо. — И совсем другим голосом добавил: — Делись, сука.

Даже сквозь полумрак Антон заметил, как изменились их лица. Озорной кураж сменился озлобленностью, остервенелостью.

Тот, что стоял сбоку, дернул Антона за воротник, словно пробуя на прочность его куртку. Рефлекторно Антон ударил по руке. Этот жест сыграл роль спускового крючка. Завязалась драка.

На стороне Антона было преимущество в ловкости, восходящей к трезвости, и животная готовность драться за свой пакет до последнего. Но парней было трое, и, что хуже, алкоголь лишал их страха, освобождал от здравого смысла.

В какой-то момент тот самый юркий, исчез из поля зрения и только пыхтение за спиной заставило Антона обернуться. Смазано, даже не зрением, а каким-то наитием Антон понял, что на его голову опускается бутылка. Свист рассекаемого воздуха, горячая волна, смывшая все чувства, и полная тишина. Покой.

Когда Антон очнулся, дождь уже стих. Это была единственная хорошая новость. Остальные — так себе. Пакет с деньгами исчез. Из головы сочилась кровь и сильно мутило.

На подкашивающихся ногах Антон добрался до остановки маршрутки. Окровавленный, вывалинный в грязи, он не вызывал сострадания, лишь брезгливость и презрение. И только когда он упал, некрасиво

Лана Барсукова

размазывая слезы, милостивые соотечественники вызвали «Скорую помощь».

Так бесславно завершилось для предпринимателя Антона Петухова коммерческое сотрудничество с Тихоном Ерофеевичем.

Ни один из них — ни летящий в шикарной машине по Рублевскому шоссе Тихон Ерофеевич, ни лежащий на больничной койке Антон Петухов — не знал в тот день, что главная их сделка впереди. И ставка в ней будет куда крупнее.

Тихон Ерофеевич

У Тихона Ерофеевича были все данные сделать блестящую карьеру. Помимо ума и упорства он обладал редким даром подстраиваться под собеседника. Этому он научился не на курсах личностного роста, к которым питал брезгливую неприязнь. Так распорядилась природа. Тихон Ерофеевич был прирожденным хамелеоном, что проявилось раньше, чем он узнал это слово.

Правда, в отличие от глупого хамелеона, Тихон с детства питал слабость к иерархии. Его физиология имела свойство блаженствовать, когда он соглашался с теми, кто стоял на социальной лестнице выше его. Хоть на ступеньку, но повыше. По отношению к таким людям кивать, улыбаться и сигналить всеми изгибами тела о своем безоговорочном восхищении было не то чтобы не затруднительно, а приятно. Он доставлял вышестоящему собеседнику удовольствие, не напрягаясь, не насилуя себя, а лишь плывя по течению собственных душевных позывов.

Однако те, кто по каким-то причинам оказались ниже, знали, что Тихон может быть резким, порой дерзким и почти всегда грубым. Можно сказать, что Тихон был хамелеоном, но усовершенствованным, генно-модифицированным: у него мимикрировала только спинка, которую видели те, кто сидел на древе жизни на верхних ветках. Остальным же доставался неприглядный и однообразный вид его брюшка, окрашенного

Лана Барсукова

в тот редкий цвет, который не имеет названия в русском языке. И лишь поэтичные японцы, различающие сотни цветовых оттенков, назвали бы его цветом равнодушия, переходящего в презрение.

Можно лишь догадываться о причинах такой странной селективности и избирательной любезности. Возможно, в лабиринтах нейронных сетей у Тихона выстраивались сложные цепочки смыслов, типа того, что раз человек чего-то достиг, значит, не дурак, соответственно, он глаголет истину, внимай и благодари за доставленное удовольствие. Или, наоборот, рассуждения лузера не заслуживают внимания, раз он собственной жизнью доказал свою глупость. Но этот сложный мыслительный процесс пролетал так скоротечно, что Тихон не успевал его зафиксировать и потому искренне считал, что один человек вызывает у него неотвратимые позывы согласиться с ним, а другой безотчетно противен. Словом, Тихон не изводил себя сложными вопросами, а лишь поступал так, как ему велела его природа.

С детства он с удовольствием подчинялся воле учителей, испытывая радость от чувства единения с высшей волей. Так же восторженно он внимал словам начальников всех калибров, под руководством которых пролегал его путь наверх. Начальники хвалили его и продвигали со словами: «Очень приятный молодой человек. К тому же специалист неплохой». Правда, потом, оказавшись в его подчинении, недоуменно пожимали плечами и сетовали: «Как подменили мужика, будто с цепи сорвался».

Тихон Ерофеевич действительно сорвался с цепи. Он несся вперед и выше, предвкушая тот сладкий миг, когда вручит цепь от своего ошейника еще более высокому начальнику. И тот уже стоял, протягивал руки, ослепленный радужными переливами спинки ручного хамелеона. На каждой новой ступени карьерной лест-

Тихон Ерофеевич

ницы Тихон заливался застенчивым смехом полного и безоговорочного согласия.

К сорока годам Тихон Ерофеевич достиг вполне весомого положения в обществе. Используя строительные аналогии, можно сказать, что он достиг нижних ступеней самого высокого этажа чиновничьей башни, откуда проглядывали небеса верховной власти, а люди внизу казались маленькими муравьями, упорно строившими свои смешные жилища. Тихон иногда разорял эти муравейники своими решениями, но без злобы. Просто интересно было посмотреть, как начнут бегать муравьи, спасая свое жалкое имущество. Но вообще-то муравьи его не интересовали. Тихон питал слабость к людям бизнеса.

Только в страшном сне он мог бы поменяться с ними местами. Предприниматели напоминали ему волков, которых ноги кормят. Себя же Тихон Ерофеевич считал волкодавом. То есть почти волком, но доминантного, исключительного положения. Ему всегда была гарантирована полная миска еды, и если идти к ней неспешной походкой сытого зверя, то звяканье цепи почти не слышно.

Тихон давно понял, что предприниматель — фигура несамостоятельная. Все, что у него есть, всего лишь деньги. И что? Деньги, как любил говорить Тихон, это «вообще ни о чем». Куда важнее тот, кто способен прорывать русла для денежных рек. Ключевая фигура — человек с киркой, на острие которой сияет печать. Взмахнул киркой, и разрешили устраивать казино. Потекли деньги по этому руслу. Но вот новый взмах властной кирки, и русло перегораживает дамба: тучный игорный бизнес отправлен в резервацию, в особо выделенные места. Такие противоречивые изгибы начальственной логики носили профилактический характер, чтобы помнили о важности тех, кто не покладая рук машет начальственной киркой.

Может, у тех, кто зарабатывает на «Ладу», бизнес как-то иначе устроен. Про эту шелупонь даже думать лень. Но применительно к крупному бизнесу у Тихона Ерофеевича сомнений не было. Предприниматели жалась к его ногам, как слепые щенки. Только он мог «порешать вопросы», открывающие перед бизнесом заманчивые горизонты. Благодарность бизнесменов зачаровывала количеством нулей. Называть это пошлым словом «взятка» мог только тупой обыватель или обкуренный журналист, свихнувшийся на свободе слова. Тихон Ерофеевич слыл величайшим мастером «решать вопросы», поскольку всегда удовлетворял интересы заказчика, не вступая в прямой конфликт с законом. Кирка, на конце которой грозовой тучей темнела печать, в его руках была подобна ювелирному инструменту.

Он знал, что без его поддержки многие свободолобивые и гордые бизнес-империи могли в одночасье превратиться в простую кучу денег. И чтобы такие кучи не захламляли деловые просторы, их быстренько вывезли бы в особые места под видом конфискованного имущества. Волки понимали это и потому преданно смотрели в глаза своему волкодаву, умирая от мысли, что в этом взгляде может полыхнуть ненависть, которую они питали к нему.

В узком кругу бизнесмены в бессильной злобе называли Тихона Ерофеевича «пидором», выражая тем самым свое неуважение к его нетрадиционной ориентации. Хотя понимали, что плюют против ветра. Даже тут Тихон сделал их, заблаговременно вписавшись в модный тренд исключительности. Все гадали, как это помогло ему сделать карьеру, но точными сведениями никто не располагал. Нехватку фактов, как водится, компенсировали домыслами. Достоверно было известно лишь то, что Тихон Ерофеевич ни разу не был женат.

Вспоминали случай, как на одном экономическом форуме благодарный банкир уговорил своего благодет-

Тихон Ерофеевич

теля заехать в Дом рыбака. Тихон согласился. Но к рыбалке, как водится, прилагалась баня, а к бане проститутки. Тихон выскочил, как ошпаренный. Сколько потом хлебосольный банкир ни оправдывался, называя девушек массажистками, Тихон его не простил. Вскоре банк был санирован. Впрочем, может, это простое совпадение. Однако никто не хотел проверять, совпадение ли это, и впредь никаких массажисток Тихону Ерофеевичу не предлагали.

Единственная женщина, которую Тихон Ерофеевич иногда брал с собой на светские мероприятия, была его сестра Ольга. Пара смотрелась странно, и непосвященные недоуменно разглядывали их. Среднего роста сорокалетний мужчина в безупречной физической форме и рядом она, полноватая немолодая женщина, повисшая на его руке. Не красавица, но и не чудовище. Одета без лоска, но дорого. Ни с кем не общается, но внимательно рассматривает присутствующих.

И пока непосвященные пялились, недоуменно сводя вместе его дорогой костюм и ее уплывшую в молодость талию, умные и знающие люди наперегонки подбегали к странной паре, чтобы засвидетельствовать почтение. Целовали ручку и отвешивали комплимент спутнице Тихона Ерофеевича. Она щурилась, тихо смеялась низким голосом и говорила неизменное: «Да будет вам». В ее глазах читалось: «Прогиб засчитан, вольно». После чего посетитель светского мероприятия облегченно выпивал шампанское и с чувством выполненного долга уходил домой. Главное было сделано. В определенных кругах знали, что Ольга Петровна является фигурой весьма значительной. Это единственная женщина, имеющая влияние на Тихона Ерофеевича.

Ольга

У каждой женщины в жизни есть главный мужчина. У кого-то муж, у кого-то отец, у кого-то сын. У Ольги таким мужчиной был сводный брат Тиша. Все остальные — отец, муж и сын — присутствовали в ее судьбе, но не затмевали, а лишь оттеняли его достоинства.

Наверное, какой-нибудь дорогой психолог посчитал бы этот случай интересным и за очень солидный гонорар распутал бы историю отношений брата и сестры. Но Ольга на выстрел не подпускала к себе психологов, считая их всех без разбору шарлатанами. У нее хватало собственного ума, чтобы понять: отношение к брату основано на том, что она его сделала сама, собственными руками. Будучи женщиной рационального склада ума, она считала, что ценишь лишь то, во что вкладываешься. Самой крупной инвестицией в ее жизни был брат Тихон.

Когда его принесли из роддома, Оле исполнилось целых двенадцать лет. В этом возрасте девочки уже не хотят играть в кукол, даже в живых. Им интересны сверстники и мальчики постарше. Но Оля не пользовалась спросом на жестоком подростковом рынке романтических отношений. Вместо признаний в любви ей доставались смешки, почти всегда намекающие на ее полноту и неуклюжесть.

Девочке нужны глаза, в которых она видит себя принцессой. Обычно так на дочерей смотрят отцы: